

Не Хайся очень сожалела. Действительно, а-Чан был её первой любовью, тем самым, в кого она влюбилась ещё в начальной школе, с кем поклялась быть вместе, когда вырастет. Но за несколько лет разлуки он изменился: стал грубым, нервным, в моменты близости мог внезапно начать душировать её или наброситься с кулаками... Он изменился.

Она плакала несколько дней подряд: ведь уже твёрдо решила покончить с этими отношениями и хорошо относиться к своему новому парню, Е Цзы. Хотя семья у Е Цзы небогатая и ей всё время казалось, что тот недостаточно её любит, что она для него — лишь некая обязанность, но... Е Цзы действительно подарил ей слишком много трогательных моментов. По крайней мере сейчас нет никого лучше Е Цзы. Она правда не хотела терять его. Зная его характер, она верила: стоит первой извиниться и проявить заботу, и он не станет усложнять. Как в прошлый раз. Поэтому рано утром она отправила Е Цзы сообщение с извинениями.

Не Хайся: Прости, муженёк. Признаю, что когда-то любила Дэн Чана. Но он — моё прошлое. Вчера он меня принуждал, между нами давно всё кончено. Обещаю впредь с ним не связываться, могу рассказать тебе всё, что касается наших с ним отношений. Можешь дать мне ещё один шанс? Давай сегодня нормально поговорим, хорошо? Муженёк, не расставайся со мной, пожалуйста, я правда не хочу уходить от тебя...

Она уже морально подготовилась к тому, что Е Цзы ответит не сразу. Однако телефон завибрировал почти мгновенно. Е Цзы ответил: «Хорошо, сегодня поговорим».

Не Хайся: Отлично! Я куплю продуктов и приду к тебе, хорошо? Приготовлю что-нибудь вкусненькое! Если простишь, сделаю для тебя что угодно!

Е Цзы: Я не дома.

Не Хайся: А где ты?

Е Цзы: У друга, вернусь в обед.

Не Хайся: Хорошо-хорошо, муженёк, я тебя жду!

Она сходила на рынок, купила два больших пакета продуктов, открыла дверь запасным ключом, который дал ей Е Цзы, немного прибралась в комнате, а затем, напевая под нос, принялась готовить, сверяясь с рецептами в интернете. Надо сказать, Е Цзы действительно сильно её изменил. Она, будучи барышней из богатой семьи, которую дома всегда обслуживали другие, никогда раньше не готовила и не убирала. Впрочем, изменилось не только это. Наверное, из-за того, что к ней всегда относились как к принцессе, она постепенно перестала тратить всё своё время на одного парня. Ей больше хотелось иметь нескольких бойфрендов, лавировать между ними, испытывать разные ощущения и в конце концов выбрать лучшего. Но ради Е Цзы она удалила номера телефонов всех остальных, а теперь и вовсе отказалась от своей первой любви... Может быть, Е Цзы и правда её суженый?

Около 11 часов утра раздался звонок в дверь. Не Хайся поправила волосы и фартук, с улыбкой открыла дверь, но увидела на пороге совсем другого человека. Она удивилась:

— Джейсон? Ты как здесь оказался?

Кролик улыбнулся с видом пай-мальчика:

— Я пришёл к старшекурснику, чтобы он помог мне подтянуть учёбу. Его нет?

— Он вернётся к обеду. Проходи, — ответила Не Хайся.

Она подумала, что наличие третьего человека может быть кстати: если возникнут проблемы, посторонний поможет немного разрядить обстановку. Кролик переобулся и сел на диван с книгой, а Не Хайся вернулась на кухню готовить. В квартире раздавались стук ножа и шипение жарящегося мяса. Телефон в кармане юноши внезапно пискнул. Кролик положил книгу на колени, достал телефон и с большим интересом открыл видео с камеры наблюдения.

На видео черноволосый парень сел на кровати, взъерошивая волосы. Он выглядел так, словно чувствовал себя неважно. Слишком большая пижама сползла с плеча, открывая красивые очертания плеча и ключицы. Ха, в этот раз камеру установили поближе, да и разрешение отличное — в полумраке снимает так чётко. Отлично.

Парень схватил телефон и, уткнувшись в него, начал что-то просматривать. Не прошло и пяти минут, как он резко вскочил, пошатнулся, едва удержав равновесие, сбросил пижаму на пол, оделся и выбежал из комнаты. Похоже, во вчерашний стакан воды он добавил слишком мало «специй»? А ведь если бы тот проспал до полудня или до вечера, всё было бы уже решено. Ему не о чем было бы беспокоиться, нечего бояться. Ведь так всё и должно было быть. Уголки губ Кролика слегка приподнялись. Впрочем, разве сюжет, развивающийся не по сценарию, не становится ещё интереснее?

Хрясь. Фруктовый нож разрезал лайм, мякоть мгновенно лопнула, брызнул и потёк сок, в нос ударил насыщенный аромат. На безупречно чистом стеклянном столе оставалась одна отметина за другой. Кролик неторопливо бросал ломтики лайма в стакан, добавлял леденцовый сахар, тёплую воду и некий порошок, медленно размешивая всё длинной ложкой. Над стаканом поднялся лёгкий пар — как же сладко пахнет.

Кролик взял стакан, вошёл на кухню и с улыбкой сказал:

— Старшекурсница, ты так долго готовишь, устала, наверное. Выпей лимонной воды.

***

Тем временем Е Цзы бежал по обочине дороги в пригороде. Здесь было малоллюдно, поймать такси просто нереально. У него раскалывалась и кружилась голова, спина покрылась холодным потом.

Проснувшись, он первым делом открыл входящие и увидел сообщение с извинениями от своей девушки. Честно говоря, он тут же пожалел о случившемся. Вчера он был пьян, а пьяные склонны впадать в крайности. Да, он помнил, что проклинал Не Хайся, прошлой ночью он действительно думал: «Вот бы она исчезла!» Но сейчас он протрезвел, успокоился и понял: даже если Не Хайся правда ему изменяла, даже если действительно поступила с ним подло, достаточно просто расстаться! Вовсе не обязательно лишать её жизни! Как бы сильно его ни

злила девушка, у них были счастливые моменты, чувства всё ещё оставались...

Вместе с сожалением пришли тревога и страх, потому что Кролик ответил девушке с его телефона! И договорился о встрече в его квартире! Неужели Кролик собирается убить Не Хайся прямо у него дома? Е Цзы отправил Кролику сообщение — ответа не было. Позвонил — телефон абонента выключен. Боже, что он вообще задумал? Устроить убийство прямо в его квартире? Что делать, если... если он не успеет? Если он откроет дверь, а его девушка уже мертва?

О чувствах сейчас не шло и речи, но в этот раз ему точно не удастся выйти сухим из воды. Охрана на входе не слепая, в лифте камеры. Даже соседи знают, как выглядит его девушка... Что задумал Кролик? Что теперь делать?

Через двадцать минут он наконец сел в такси. В начале первого он, задыхаясь, взбежал по лестнице. Наконец-то добрался! Но перед дверью оробел и замялся. Руки дрожали так, что он не мог попасть ключом в замочную скважину.

Сосед дружелюбно поздоровался с Е Цзы, тот выдавил улыбку и кивнул. Его обдал холодный сквозняк из коридора, рубашка на спине насквозь промокла от пота. Сглотнув несколько раз, Е Цзы наконец открыл дверь, теша себя надеждой, что в квартире будет только Не Хайся. Конечно, это было невозможно.

В нос ударил запах еды. Е Цзы уставился на белые туфли на высоком каблуке у порога и пару чисто чёрных мужских ботинок, размер которых был больше его собственного. Сердце бешено колотилось. Он тихо прикрыл дверь и прошёл внутрь.

Звук телевизора становился всё громче — шло развлекательное шоу, смех зрителей и ведущего казался до нелепости неуместным. Яркий луч солнца скользнул в окно, в нём плясали пылинки. Е Цзы застыл на месте. На диване его девушка страстно прижималась к Кролику, разрывая на нём одежду. Кролик сопротивлялся, её лицо покраснелось, Не Хайся была полна нетерпения: в одном нижнем белье, она начала расстёгивать ремень юноши...

Е Цзы ничего не понимал. Сегодня она пришла, чтобы приготовить для него обед и поговорить. На столе уже была расставлена еда, так много вкусного. Он просто опоздал. И она так

изнывала от нетерпения, что решила переспать с другим мужчиной?

Он должен был подойти, схватить девушку и разнять их. На самом деле, здесь было слишком много странностей, над которыми стоило бы подумать. Но Е Цзы не мог сделать ни шагу, словно окаменел. Он не мог думать. Тьма, таившаяся в глубине его сердца, снова вырвалась наружу, словно чёрная дыра, пожирающая его рассудок. Он был зол, зол, невероятно зол. Почему она предала его? Почему?

В первый раз, когда это случилось, он простил её. Когда она предала его во второй раз, тоже собирался простить, но почему Не Хайся снова сделала это? Зачем раз за разом испытывать его терпение?! Почему все смотрят на него свысока? Почему выбирают не его? Почему выбирают других? Почему все они такие... такие. Тварь. Тварь. Тварь. Сам того не замечая, он уже беззвучно шептал это слово.

Его поглощала тьма, гнев жаждал выхода. Когда он снова поднял глаза, обезумевшая от желаний женщина уже была прижата к дивану. Она мучительно извивалась, словно рыба, вытасченная из воды. Одежда скользнула на пол. Взмахнув рукой, она опрокинула стакан с лимонной водой на журнальном столике, и ароматная жидкость мгновенно разлилась по полу.

Кролик прижал её коленом, неторопливо связал непослушные запястья галстуком, сунул ей в рот лайм, полюбовался немного, а затем достал из сумки скотч и заклеил ей рот. Женщина начала плакать, давиться, её мычание почти заглушило шум телевизора. Кролик взял с журнального столика нож, всё ещё пахнувший лимоном, понюхал его и, прикрыв глаза, слегка лизнул. Наконец он поднял взгляд на Е Цзы. Его ресницы и кончики волос золотились в лучах света, придавая невинный чистый вид:

— А-Цзы, хочешь, чтобы я её убил?

Е Цзы смотрел на него, смотрел на женщину, которая билась всё сильнее, и вдруг улыбнулся. Он открыл рот, его голос прозвучал низко и холодно, словно чужой:

— Убей её. Немедленно.

Словно играя роль, Кролик нежно улыбнулся:

— Слушаюсь, сэр. Кстати, не могли бы вы задёрнуть шторы?

Е Цзы подошёл к окну и резким движением задёрнул тяжёлые шторы. Комната мгновенно погрузилась во тьму, единственным источником света осталось мерцание экрана телевизора. Диван стоял спинкой к нему, он не видел деталей, но слышал звуки. Множество звуков, словно в театре, словно во сне, то ли реальных, то ли вымышленных. Эти звуки сливались, образуя причудливую, величественную музыку.

Из телевизора донеслась изысканная мелодия скрипки. Сопрано в красном платье вскинула руки к небу, её голос был таким высоким и прекрасным, словно в этот миг они перенеслись в священный и торжественный готический собор. Жидкость цвета розы, пропитывая диван, стекала на плитку, расплываясь всё шире, словно желая окрасить всё пространство в яркие тона.

Слышался шум улицы. Смех прохожих, смутный и неясный гул машин, словно низкие и элегантные звуки виолончели. Иногда раздавались резкие пронзительные звуки, глухие звуки разрезания — ах, это были ритмичные удары барабанов, то воздушные, то низкие звуки флейты, таинственный металлический звон, лукавое вибрато. Слышался прерывистый голос Кролика, словно он серьёзно комментировал эту музыку:

— Ты целовала его этим ртом? Давай-ка я его отрежу... Смотрела на него этими глазами? Ха-ха... Какая жалкая... Больше никогда не сможешь петь в караоке... Всё ещё плачешь? Это бесполезно... Кто просил тебя... трогать того, кого нельзя трогать?.. Ха-ха... Ха-ха-ха-ха...

Е Цзы не видел лица Кролика, но слышал, с каким наслаждением тот смеётся. Его смех сначала был глухим, затем стал безудержным, а в конце тягуче затих. Слова, слетавшие с его губ, то поднимались, то падали, звучали ехидно, то высоко, то низко. Он то заливался диким хохотом, то каялся с притворным сожалением. Насмешка, пытка, утешение, уничтожение... Словно просто забавлялся с игрушкой. Вырвать игрушке глаза, разрезать рот, отрубить голову, выпотрошить, разорвать её на куски.

Музыка была слишком пронзительной, и Е Цзы почувствовал звон в ушах. Звенело в правом

ухе. Стрекот цикад. «Ззз-ззз-ззз» — звучало, звучало не переставая. Сам того не замечая, он сполз по холодной стене на пол.

Тёмно-красная жидкость продолжала растекаться, грозя вот-вот запачкать его ноги. Настроение Е Цзы тоже взлетало и падало в такт этой музыке. Очевидно, он получал удовольствие. Эта будоражающая музыка возбуждала его, в какие-то мгновения он тоже ощущал наслаждение и восторг. Но в следующий миг жестокий порыв бесследно исчезал. На смену ему приходили необъяснимая пустота и страх, а также бесконечная беспомощность. На него давило тяжёлое отчаяние. Звон в ушах стал таким громким, что его невозможно было игнорировать.

Он уткнулся головой в колени, изо всех сил зажимая уши руками, и весь дрожал. Но почему, почему он всё ещё слышал этот звон, такой громкий, такой нестерпимый? Невыносимо громко. Невыносимо громко. Невыносимо.

Неизвестно, сколько прошло времени, но все звуки, кроме тонкого звона в ушах, исчезли. Зажёгся яркий, до рези в глазах, свет. Кролик босиком шёл к нему. Его ноги были в крови, штанины тоже — на самом деле, он весь был в крови. Е Цзы инстинктивно отпрянул, вжимаясь спиной в холодную стену. Он поднял голову, но не смог разглядеть выражения его лица против света.

С глухим стуком нож выпал из руки Кролика на пол, брызнув несколькими каплями крови. Он опустился на корточки перед Е Цзы и окровавленными пальцами нежно погладил его по щеке. Странно, однако дрожь в теле Е Цзы унялась. Даже при том, что залитое кровью лицо Кролика было ужасным до крайности, даже при том, что сейчас он выглядел как демон, восставший из ада. Глядя на него такого, Е Цзы действительно постепенно успокаивался.

Кролик осторожно обнял Е Цзы и, поглаживая по спине, зашептал на ухо, словно напевал колыбельную своим нежным голосом:

— Теперь никто тебя не осквернит. Никто тебя больше не испачкает. Никто тебя больше не предаст. Как же это хорошо.

<http://bllate.org/book/14916/1571672>